

тем же часом и умер. И что он после смерти его выбрал триста человек, или лутче сказать тиранов, и их уполномочил по собственному желанию с подданными убиенного || брата поступать: смертию казнить, маетности и дома их разарять и протчее. По каторой данной им власти они от Масквы да Пскова все уезды асмастривали, многие места да падошвы изькоренили, людей мужескаго и женскаго полу, от стариков и младенцов, по прихотям своим удавили, купцов везде аграбили, из прудов воду спустили, а находившуюся в прудах рыбу сожгли и поля ужасным образом опустошили.

В скором после того времени, как реченной дворянин упоминаит, призвал он в Новьгород изо всех акружных мест людей под видом будьто бы с ними а важных делах посоветовать. Как они к нему туда прибыли, то велел он им всем собратца на длинной близ города чрез реку мост, с катораго ани в тае реку брошены и утоплены, в ложном мнении будьто бы ани с реченным ево двоюродным братом в согласии находились. Тех, кои в реке не потонули, велел убить. Число утопших толь велико было, что река из берегов выступила и многия луга и пашни патопила.

Архиепископ того города, увидев такое ужасное тиранство, вознамерился ко избеганию оного подражать древней пасловице: «Кто блис ада живет, должен с дьяволом в крайней дружбе быть». И для того от страху на себя лицемерие принял и оного тирана в гости к себе позвал, каторой и не отрекся, но с вооруженными своими воинами и стрелцами к нему приехал. Между абедем послал он несколько людей к славной и весма богатой Сафийской церкви, в каторой всех знатнейших гаспод драгоценнейшие вещи и багатство (яко в безопасном от всех нападений месте) для сохранения поставлены были. И велел двери церковные отбить, и все багатство аттуда выбрать. А после обеда ограбил он и архиепископа, не оставя ему ни платья, ниже архиепископской одежды. Потом сказал ему: «Не пристойно тебе более архиепископом быть, в *скоморохи*^о ты очень способен, и когда, при том, еще медведя плесать обучиш, то много денег получиш. При том же надобно тебе женится на той невесте, каторую я для тебя уже и выбрал». Протчим же игумнам и наместникам, приехавшим в город || по призыву к сему обеду, сказал он: «Вы все к архиепископу на свадьбу приезжайте, х каторой я вас таперь зову, и привезите хорошие подарки с собою». Причем он каждому и сумму по препорции доходов их назначил, каторая и собрана по отдаче денег, кои они тем охотнее привезли (уповая, что оныя вручатся ограбленному архиепископу). Но, однако, ни единой копейки^н из тех не получил. Велел он ерхиепископу подвесь серую жеребую кобылу, на каторую перстом указывая, сказал: «Смотри, вот жена твоя, садись на нее и поезжай в Москву, там велю я тебя в скоморошски цех принять и записать, чтоб ты плясущему медведю песни наигрывал». Сей бедняк принужден был в сером суконном кафтане на кобылу сесть, потом ему ноги под ея брюхо, а на шею рыле, балалайку и дудку привязали. В каковом убранстве он по Нову городу ездя, хотя в дутку играть и не учился, однако играл, но каким голосом, всякому легко разсудить можно. || С таким стыдом сей тиран архиепископа от себя отпустил, а реченных игумнов и монахов разными и ужасными смертьми казнил. Большая часть из них топорами в мелкие части изрублены и рогадинами заколаны, а протчие в реке потоплены.

Оное известие сообщил нам Алеар, каторое он выписал из сочинений Гванита. О архиепископе ж агличанин Горзей притчину воспоследовавшего

^о В ркп. скороходы. ^н В ркп. копейки.